

Поэт Гумилёв. «Невинная» жертва ВЧК

Николай Степанович Гумилёв (1886–1921) – русский поэт «Серебряного века» – был расстрелян 26 августа 1921 года по обвинению в участии в антисоветском заговоре «Петроградской Боевой Организации В.Н. Таганцева».

Ещё до революции 1917 года Гумилёв представлял собой удивительное явление на фоне большей части тогдашней интеллигенции – последовательный монархист, строгий приверженец церковного православия, пламенный русский патриот, без колебаний ушедший добровольцем на войну. *«Я традиционалист, империалист, панславист. Моя сущность истинно русская, сформированная православным христианством... Я люблю всё русское, даже то, с чем должен бороться, что представляете собой вы...»*, — сказал Гумилёв в 1917 году анархисту, будущему активисту Коминтерна Виктору Кибальчичу (Сержу).

Монархизм, который представлял Гумилев, был очевиден – он любил и конкретных монархов, и монархию как принцип. *«Он был убежденным монархистом. – вспоминал переводчик Гюнтер, - Мы часто спорили с ним; я мог еще верить, пожалуй, в просвещенный абсолютизм, но уж никак не в наследственную монархию. Гумилев же стоял за нее».*

«Манит прозрачность глубоких озер,

Смотрит с укором заря.

Тягостен, тягостен этот позор —

Жить, потерявши царя!» - писал поэт в своих стихах.

Утверждение «поэт Николай Гумилев был осужден и расстрелян по ложному обвинению, сфабрикованному ВЧК», является мифом. Разберёмся, почему.

Есть несколько версий, за что казнили поэта. Одна из них говорит о том, что обвинению способствовал командующий Балтийским флотом Ф. Раскольников, так как его первая жена, Лариса Рейснер, была влюблена в

Гумилёва. Сторонники этой версии в качестве доказательства цитируют слова Рейснер о том, что она «готова идти за поэтом, куда угодно». Однако слова эти относятся к 1916 году. В 1917 она разрывает связь с Гумилевым и только потом знакомится с Раскольниковым. Совершенно не понятно и не объяснено, почему Раскольников должен был ревновать жену к бывшему мужу.

По другой версии виновником является русский революционер – Григорий Зиновьев, который был разозлен одним из стихотворений поэта. А вот, что произошло на самом деле.

После разгрома восстания в Кронштадте, большая часть организаторов этого мятежа, совершили бегство в Финляндию, где был организован временный революционный комитет. Заговор Таганцева, целью которого было свержение существующей власти, стал одним из первых раскрытых в Советской России заговоров подобного рода после Октябрьской революции 1917 года. Некоторые современные историки считают, что этого заговора не существовало, но такое мнение опровергает масса свидетельств. Обратимся для начала к статье В.Ю. Черняева «Дело «Петроградской Боевой Организации В.Н. Таганцева»:

«Между тем, известно, что в письме бежавшего из Петрограда в 1921 участника Таганцевской организации профессора-германиста Б.П. Сильверсвана писателю А.В. Амфитеатрову, написанном в 1931, сообщалось, что организация реально существовала и даже охватывала армию. В 1996 в нью-йоркском «Новом журнале» опубликовано частное письмо от 1952 поэта Георгия Иванова».

Говорили, что воспоминания Георгия Иванова – это выдумка. Однако, вымысла до сих пор в них не обнаружили. Те, кто обвинял его во вранье, например, первая жена Гумилёва, знаменитая поэтесса Анна Ахматова, конкретных примеров «вранья» никогда не приводили. Логика Ахматовой понятна: признавать в советское время, что заговор был, и она о нём знала, Анна Андреевна благоразумно не стала.

«В 1996 в нью-йоркском «Новом журнале» опубликовано частное письмо от 1952 поэта Георгия Иванова В.А. Александровой о Н.С. Гумилёве, где содержится признание: «Я был и участником несчастного и дурацкого Таганцевского заговора, из-за которого он погиб. Если меня не арестовали, то только потому, что я был в «десятке» Гумилёва, а он, в отличие от большинства других, в частности, самого Таганцева, не назвал ни одного имени»¹

В конце мая 1921 года ПЧК получили агентурные сведения, что боевики от того самого временного ревкома, прибыли из Финляндии в Петроград по поддельным паспортам. А уже июне, чекисты напали на след и смогли арестовать бывшего матроса линейного корабля «Петропавловск» М.А. Комарова, который исполнял обязанности коменданта Кронштадтского Ревкома, во время мятежа. Замести за собой следы матрос не успел, вследствие чего в его квартире нашли динамит, печать, штамп, бланки и типографский станок, на котором печатались антисоветские прокламации, фальшивые деньги и, самое главное, фиктивные документы для других боевиков. Он прибыл по заданию председателя контрреволюционного кронштадтского «временного ревкома» С. М. Петриченко для подпольной антисоветской работы. Остальных арестовали тоже без особых проблем.

Группировка называлась «Объединенная организация кронштадтских моряков». Петроград был поделён на условные районы, и в каждом из них во главе мятежных сил районных подпольных ячеек стоял опытный офицер. Все заговорщики являлись участниками кронштадтского восстания и получали от организации ежемесячное вознаграждение. На допросах выяснилось, что эта группа входит в другую, более крупную – «Петроградскую боевую организацию» (ПБО), целью которой был вооружённый переворот в Петрограде и организация иностранной интервенции. О ПБО в ЧК знали из эмигрантских агентурных донесений, но на саму организацию выйти не получалось, а тут один из задержанных назвал фамилию некоего профессора В.Н. Таганцева.

16 июня 1921 года Таганцев был арестован. Он принадлежал к дореволюционной российской элите, был сыном сенатора и испытывал непримиримую вражду к Советской власти, что в последствии привело его к созданию данной подпольной организации. К слову, ВЧК и раньше к нему присматривалась. Таганцев привлекался по делу ликвидированного «Национального центра», но за отсутствием достаточных улик остался на свободе. Также, вряд ли могло пройти для профессора незамеченным, то что *«вместе с бывшим директором торгово-промышленного банка князем Д.Н. Шаховским он создал подпольные банковские конторы в Петрограде и Москве, чтобы добыть деньги на борьбу с режимом»*² (по материалам статьи «Дело «Петроградской Боевой Организации» В.Ю. Черняева). Он не подвергался пыткам, вместо этого, чекисты стали искать другие связи через арестованных боевиков. Выяснили, что деньги на организацию доставляются из Финляндии «курьерами», вследствие чего, на границе были устроены засады и удвоена бдительность. Вскоре при пересечении границы, в перестрелке, был убит один из таких курьеров – служащий разведотдела финского генштаба Герман.

В 1996 году историком Виктором Бортневским был введен в научный оборот ряд документов, опубликованных в №7 альманаха «Русское Прошлое» (СПб, 1996, 106-113 стр.), подтверждающих ранее сказанное и добавляющих новые подробности. Первый из этих документов – секретное письмо к генералу П.Н. Врангелю от профессора Давида Гримма, которое датируется 4 октября 1921 года. Гримм жил в Гельсингфорсе, был одним из руководителей антибольшевистской организации Петрограда. Письмо имело целью осведомить генерала о положении дел с этим подпольем. В архиве Врангеля сохранился расшифрованный текст этого письма, а в архиве самого Гримма – черновой автограф текста в незашифрованном виде и машинописная копия текста в зашифрованном виде. Второй документ – секретное письмо того же Гримма к Карташову от 16 июля 1921 года. В письме говорится:

«...В результате начались усиленные аресты среди Петроградских рабочих и интеллигентов; дело было облегчено чекистам тем, что около того же времени, когда началась провокационная деятельность первых матросов-предателей - Паськовского и Комарова - в Тверской губернии, в имени, за антисоветскую агитацию был арестован Таганцев, игравший в последние годы видную роль в уцелевших в Петрограде активистских организациях, связанный, между прочим, с артиллерийским офицером Германом,...»

В черновом автографе стоит: «Таганцев, игравший в последние годы (не по заслугам) довольно видную роль...». Это «...(не по заслугам) довольно...» было вычеркнуто автором письма и в окончательный текст не вошло.

Следует обратить внимание, что упомянутый в письме Герман – это тот самый Юрий Герман, о котором рассказывает в своих мемуарах Георгий Иванов как о непримиримом антибольшевистском подпольщике. Герман, *«...который служил в Финском Генеральном Штабе курьером и пал жертвой предательства матроса Паськовского...»*. Великолепное подтверждение информации ВЧК о том, что заговорщики имели связи с разведкой Финляндии. Далее: *«...которого он сам взял к себе из концентрационного лагеря. Герман был убит при переходе Финской границы, причем у него были найдены письма и прокламации. Вся эта неприглядная картина выяснилась уже после того, как сговор с Петриченко состоялся... С тех пор появилось в красных газетах известное сообщение о раскрытом в Петрограде заговоре и список 61 расстрелянных. Само сообщение, несмотря на ряд фактических погрешностей, все же устанавливает ряд фактов, знакомство с которыми свидетельствует о том, что некоторые из участников заговора дали весьма полные показания и раскрыли многие подробности. Вместе с тем в списке расстрелянных значится целый ряд лиц, несомненно, принадлежавших к существовавшим в Петрограде активистским организациям. Насколько отдельные, не связанные между собой ячейки уцелели, сейчас сказать нельзя, но как бы там*

ни было, дабы не подвести эти сохранившиеся остатки, необходимо временно соблюдать большую осторожность и на некоторое время приостановить всякую деятельность, пока бдительность большевистского сыска не будет несколько усилена».

Стало ясно, что в Европе будут искать другие пути финансирования заговора. В ВЧК рассчитывали, что участники ПБО в Петрограде обязательно должны занервничать из-за отсутствия Таганцева и финансирования.

Из книги «Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925)»:

«Арест Таганцева, гибель шпиона Германа, убитого при незаконном переходе границы, внесли замешательство в ряды заговорщиков. В это время произошла смена зарубежного руководства «ПБО». На съезде правых белоэмигрантских группировок в Париже состоялось их объединение под руководством бежавшего из России с остатками своих войск барона Врангеля, который стал руководителем «Союза освобождения России». Финансирование этой монархистской организации взял на себя Торгово-промышленный комитет. Один из главарей «ПБО» — В. Г. Шведов — вошел в «Союз освобождения России» и получил задание выехать в Петроград для активизации работы «ПБО» и объединения всех правых группировок. Одновременно в Петроград был послан и резидент «Союза освобождения России» лейтенант П.В. Лебедев. Но надежды заговорщиков, связанные с выездом в Петроград П.В. Лебедева и В.Г. Шведова, не оправдались. ВЧК удалось напасть на их след. На квартире бывшего морского офицера шпиона Г.В. Золотухина, служившего на советском эсминце «Азард», чекисты устроили засаду, в которую и попал посланец Врангеля Лебедев. При аресте он оказал сопротивление, застрелил чекиста. На явочной квартире «ПБО», принадлежавшей бывшей дворянке Т.Н. Арнольд, сотрудники Особого отдела ВЧК арестовали В.Г. Шведова, который также отчаянно сопротивлялся и убил двух чекистов.

Аресты профессионального разведчика П.В. Лебедева (он совершил 19 переходов через границу) и одного из главарей «ПБО» — В. Г. Шведова

позволили выявить новые шпионские гнезда, созданные как «ПБО», так и врангелевским «Союзом освобождения России». Были ликвидированы явочные квартиры финляндской, американской, французской и английской разведок в Петрограде (эти квартиры содержали дочь царского генерала О.П. Рафаилова, бывшая дворянка Е.Г. Манухина, купец И.Д. Калачев, бывшая помещица О.С. Лунд, дочь царского полковника М.В. Карлович, контрабандисты В.П. Матвеев и К.М. Зубер, некая Е.А. Антипова) и арестован ряд шпионов. На явочной квартире американской разведки у морского офицера Г.Д. Дмитриева был обнаружен курьер американской разведки Старк, который застрелил двух чекистов и скрылся».³

Помимо вышеприведённых свидетельств считается, что причиной разоблачения заговора послужили письма и списки, найденные при Ю. Германе, убитом 31 мая 1921 при переходе границы. Но, как выяснилось, это не совсем так.

«Из ранних свидетельств о «Деле ПБО» (Предисловие и примечания И. Вознесенского):

«Большевики постоянно имели и имеют нелегальное курьерское сообщение с Финляндией, в частности с фортом Ино. На форту Ино были в свое время интернированы спасшиеся из Кронштадта после подавления восстания кронштадтские беженцы и гарнизон. Растворившись в их массе, явились в Финляндию — на Ино — и тайные агенты ЧК. После падения Кронштадта они перенесли работу в Финляндию. Часть их вела агитацию, пользуясь обстоятельствами неприглядной и монотонной жизни кронштадтцев, часть же занималась прямым своим делом, обстоятельно информируя ПЧК о жизни многотысячного лагеря беженцев. А материал для этого имелся обильный.

...Центром политической жизни лагеря, и довольно оживленным, стал бывший кронштадтский ревком, пользовавшийся полупризнанием и со стороны финского правительства. Вождедения русских организаций всех оттенков сводились к тому, чтобы, имея кронштадтцев в качестве

послушного материала, нелегально перекинуть большое их количество в Петроград, чтобы располагать на случай переворота послушной организацией, раскинутой по всему Петрограду (идея П.Б.О. — Петроградской Боевой Организации). Частичным достижением цели была бы та богатая информация, которую русские организации рассчитывали получать от переправленных ими за границу. **Финские власти обещали смотреть сквозь пальцы на утечку кронштадтцев через границу.**

Желающих отправиться в нелегальное путешествие оказалась масса. Ревком производил фильтрацию и выбранных рекомендовал русским организациям. Впоследствии ревком раскололся, с.-ры отстранились от этой игры и рекомендацию выдавал почти единолично пред. ревкома Петриченко.

Будучи в курсе лагерной жизни, ПЧК посылала директивы своим агентам в Ино. Одних из этих агентов, на котором безусловно стоит несколько остановиться, был боцман старого времени Паськов с «Петропавловска»... Предписанием из ЧК Паськову приказывалось проникнуть в финскую разведочную организацию, затем попытаться сделаться русским белогвардейским или финским курьером, а по возможности и фиктивным организатором матросского элемента в Петрограде. Пользуясь своими хорошими отношениями в ревкоме и привилегированным в тот момент положением ревкома, Паськов, действительно, в короткое время тесно связывается с финскими курьерами, с начальником сыскного отделения, знакомится с двумя русскими белыми организациями и поддерживает с ними добрые отношения. По рекомендации Петриченко он отправляется в Петроград с инструкциями... Пользуясь возрастающим доверием, Паськов становится заведывающим курьерской кронштадтской связью и организатором отправляемых в Петроград матросов.

На первых порах дела его шли хорошо: благодаря содействию ЧК он безнаказанно отводит матросам конспиративные квартиры в Петрограде, собирает их для обсуждения дел и вместе с тем, для приобретения

популярности в белых группах Петрограда, участвует в мелких террористических актах, расклеивает на улицах Петрограда прокламации от кронштадтского ревкома. Уже к маю месяцу Паськов познакомился с Таганцевым, сблизился с ним и просил принять его в помощники по организации боевых дружин. Таганцев ему доверял и познакомил его с сенатором Лопухиным и Тимофеевым... В помощь Паськову по Петрограду дан был ПЧК-ой и некто Корвин-Круковский, человек, безусловно, интеллигентный и энергичный. Введенный в Таганцевскую организацию, Корвин-Круковский быстро освоился с членами ее и к маю имел уже обширное среди них знакомство. Характерно, что Корвин-Круковский так и рекомендовался некоторым членам Таганцевской организации как служащий ЧК и, несмотря на это, был принят в организацию полноправным членом... Таким образом, к маю 1921 г. ЧК обладала уже некоторым материалом для возбуждения белогвардейского процесса.

Агранов решил, что наступила пора действовать открыто. Проходя последний раз из Петрограда в Териоки, Паськов ознакомил чекистов с расположением курьерских пунктов на границе и предупредил Агранова о времени и пути своего возвращения. В Петроград Паськов должен был идти, как было между ними условлено, вместе с Ю.П. Германом (кличка «Голубь»), курьером финской службы.

Герман был одним из идейных работников Таганцева. К этому приходу Паськова ЧК-ой сделаны были приготовления... Вся эта компания выехала по дороге на Шувалово, далее по Лемболовскому шоссе на деревню Галатово, не доезжая которой и встретила курьеров финского генерального штаба Германа и Болотова, направлявшихся на лошади в Петроград, но арест их оказался неудачным. Паськов был на солидном расстоянии сзади. Болотов убежал. Смертельно раненый Герман достался большевикам...

Это было толчком, давшим Агранову возможность приступить к массовым арестам в Петрограде»⁴

Таким образом, мы можем убедиться, что дело вышло на уровень государственной важности. Материалы из статьи «Петроградская боевая организация (ПБО) — чекистский миф или реальность?»:

«В книге А.М. Плеханова также впервые опубликованы справка Ф.Э. Дзержинского Ленину по этому делу, датированная серединой июня 1921 г., и записка Дзержинского начальнику Секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонову, в которой, в частности, говорилось: «За делом Таганцева надо наблюдать. Имеет огромное значение. Можно разгромить все очаги правых белогвардейцев. Не стоит ли важнейших перевести в Москву в нашу одиночку?.. Это дело может нам раскрыть пружины Кронштадтского восстания». Как видно, председатель ВЧК был убежден, что организация Таганцева вполне реальна и раскрытие ее имеет крайне важное значение»⁵

Деятельность организации носила именно террористический характер. Вновь обратимся к книге «Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925)»:

«Попытки «ПБО» вовлечь в свои ряды трудящихся закончились провалом. Не помог и контакт с группой «уполномоченных фабрик и заводов», — она сама, по сути дела, не была связана с массами трудящихся. Мечты Таганцева о «массовой базе» не сбылись. В мае 1921 г. Таганцев начал переговоры с находившимся в Финляндии кронштадтским «Временным ревкомом», главари которого (Петриченко, Яковенко, Ососов) просто-напросто торговали участниками кронштадтского мятежа, интернированными в Финляндии, и направляли их по договоренности с разными антисоветскими группами в Россию для подпольной работы. По соглашению между «ПБО» и «Временным ревкомом» в Петроград приехали несколько моряков во главе с Комаровым, «работу» которых оплачивала «ПБО». Эта группа, образовавшая «Объединенную организацию кронштадтских моряков», заменила собой «массовую базу» организации, на нее и возлагали надежды главари заговора.

«Объединенная организация кронштадтских моряков» занялась вербовкой сторонников и подготовкой террористических актов и диверсий. Террористической деятельностью организации руководил матрос В.И. Орловский, заочно осужденный к расстрелу за шпионаж еще в 1919 г. Этот шпион, служивший финской и американской разведкам, приобрел гранаты, динамит; его разбойничья группа взорвала в Петрограде памятник В. Володарскому, подожгла трибуны в день Первомайского праздника; она готовила взрывы предприятий, террористические акты против деятелей большевистской партии и налет на поезд, в котором перевозились государственные ценности».

Далее там же о зарубежных связях организации «ПБО», а также про основной источник её доходов. Что называется, «в копилку».

«Из центра «Петроградской боевой организации», созданного за границей, организация получала десятки миллионов рублей. В сообщении ВЧК указывалось («Известия ВЦИК», 31 августа 1921 г.): «ПБО» имела значительные связи с белыми кругами за рубежом. До съезда национального объединения центр этой организации в Париже составляли генерал Владимиров, кадеты Карташев и Струве, бывший царский министр Коковцев, Иваницкий и др. В то время как Владимиров организовывал распыленные эмигрантские военные круги, Коковцевым и Струве была организована группа финансистов для оказания продовольственной и финансовой помощи Петрограду после переворота. В Финляндии центр организации составляли редактор белой газеты «Новая русская жизнь», бывший ректор Петроградского университета (член ЦК кадетской партии, — Д. Г.) профессор Д. Д. Гримм, член редакции той же газеты кадет Новицкий и глава русского Красного Креста в Финляндии профессор Цейдлер.

Задачи подготовки вооруженного восстания были тесно связаны с интенсивной работой по шпионажу в пользу финского генерального штаба и Франции. По показаниям участников заговора, политический и экономический шпионаж являлся одним из источников финансовых средств для работы в

белых организациях. По отношению к Финляндии доставляемые петроградскими организациями сведения о положении Советской республики служили компенсацией за допущение Финляндией существования на ее территории зарубежных белых центров и свободного перехода курьеров через границу. Курьеры «ПБО» Судравский, Болотов, Таль и один из лидеров — Герман — со^т стояли на службе разведывательного отдела финского генерального штаба».⁶

Около двух месяцев Таганцев молчал, и следствию от него не удавалось получить никаких данных. Позже из Москвы прислали следователя по особо важным делам Я.С. Агранова. В обмен на обязательство ни к кому не применять смертной казни и открытом суде ему удаётся привлечь Таганцева к сотрудничеству. Вскоре после этого от Таганцева всё же удалось получить нужные сведения. Эта организация, созданная еще до кронштадтского мятежа, придерживалась кадетского направления и включала кроме «Объединенной организации кронштадтских моряков», еще две группы, — профессорскую и офицерскую. 28 июля был подписан договор между Таганцевым и Аграновым, который предварительно по этому поводу напрямую разговаривал с Дзержинским. 30 июля Агранов и Таганцев шесть часов ездили по городу в автомобиле, и Таганцев указывал адреса людей, причастных к организации. Было усиленно наблюдение за всеми, кто хоть как-то подозревался в связях с белой эмиграцией. На явочных квартирах, указанных арестованными боевиками, были устроены засады. В ночь на 31 июля было арестовано около 300 человек. При арестах подозреваемых погибло пять чекистов. Они были застрелены П.В. Лебедевым, В.Г. Шведовым и Старком. 6 августа Таганцев дает показания на Гумилёва.

«Протокол показания гражданина Таганцева:

«Поэт Гумилев после рассказа Германа обращался к нему в конце ноября 1920 г. Гумилев утверждает, что с ним связана группа интеллигентов, которой он сможет распоряжаться и в случае выступления согласна выйти на улицу, но желал бы иметь в распоряжении для технических надобностей

некоторую свободную наличность. Таковой у нас тогда не было. Мы решили тогда предварительно проверить надежность Гумилева, командировав к нему Шведова для установления связей.

В течение трех месяцев, однако, это не было сделано. Только во время Кронштадта Шведов выполнил поручение: разыскал на Преображенской ул. поэта Гумилева, адрес я узнал для него во «Всемирной литературе», где служит Гумилев. Шведов предложил ему помочь нам, если представится надобность в составлении прокламаций. Гумилев согласился, что оставляет за собой право отказаться от тем, не отвечающих его далеко не правым взглядам. Гумилев был близок к Совет. ориентации.

Шведов мог успокоить, что мы не монархисты, а держимся за власть Сов. Не знаю, насколько мог поверить этому утверждению. На расходы Гумилеву было выделено 200 000 советских рублей и лента для пишущей машинки. Про группу свою Гумилев дал уклончивый ответ, сказав, что для организации ему нужно время. Через несколько дней пал Кронштадт. Стороной я услышал, что Гумилев весьма отходит далеко от контрреволюционных взглядов. Я к нему больше не обращался, как и Шведов и Герман, и поэтических прокламаций нам не пришлось ожидать».

В. Таганцев б. VIII. 1921»⁷

Следует обратить внимание на довольно нелепую попытку выгородить Гумилёва, представить его как сторонника советской власти, хотя он был широко известен своими монархическими взглядами. В то время такие взгляды – редкость. Даже в рядах белых практически не было монархистов. То, что монархистское движение, насчитывающее более полумиллиона членов, распалось за какие-то 1-2 недели после Февральской революции 1917 года, говорит о многом, но это уже другая история. Также можно заметить, что Гумилёв был арестован уже 3 августа, а показания на него были даны только 6 августа. Создается впечатление, что на него вышли с помощью агентурной разведки, пользуясь их источниками и только потом получили подтверждение этих сведений. Исходя из ранее указанных источников⁷, было не ясно, имелось

ли у ВЧК на Гумилёва изначально что-то или нет. На первых допросах он отрицал буквально всё:

*«Месяца три тому назад ко мне утром пришел молодой человек высокого роста и бритый, сообщивший, что привез мне поклон из Москвы... Приблизительно через неделю он пришел опять и стал спрашивать меня, не знаю ли я кого-нибудь, желающего работать для контрреволюции. Я объяснил, что никого такого не знаю, тогда он указал на незначительность работы: добывание разных сведений и настроений, раздачу листовок и сообщил, что эта работа может оплачиваться. Тогда я отказался продолжать разговор с ним на эту тему, и он ушел. Фамилию свою он назвал мне, представляясь. **Я ее забыл, но она была не Герман и не Шведов»***

Однако, «припертый к стене» показаниями Таганцева, Гумилёв признает, что какая-то связь с заговорщиками всё таки была:

*«...В начале Кронштадского восстания ко мне пришел Вячеславский с предложением доставлять для него сведения и принять участие в восстании, буде оно переносится в Петроград. От дачи сведений я отказался, **а на выступление согласился, причем сказал, что мне, по всей вероятности, удастся в момент выступления собрать и повести за собой кучку прохожих, пользуясь общим оппозиционным настроением.** Я выразил также согласие на попытку написания контрреволюционных стихов. Дней через пять он пришел ко мне опять, вел те же разговоры и предложил гектографировальную ленту и деньги на расходы, связанные с выступлением. Я не взял ни того ни другого, указав, что не знаю, удастся ли мне использовать ленту. Через несколько дней он зашел опять, и я определенно ответил, что ленту я не беру, не будучи в состоянии использовать, **а деньги 200 000 взял на всякий случай и держал их в столе, ожидая или событий, то есть восстания в городе, или прихода Вячеславского, чтобы вернуть их, потому что после падения Кронштадта я резко изменил мое отношение к Советской власти. С тех пор ни Вячеславский, никто другой с подобными разговорами ко мне не приходили, и я передал все дело забвению.** В добавление сообщаю, что я*

действительно сказал Вячеславскому, что могу собрать активную группу из моих товарищей, бывших офицеров, что являлось легкомыслием с моей стороны, потому что я встречался с ними лишь случайно и исполнить мое обещание мне было бы крайне затруднительно»⁹

При обыске у поэта нашли те самые 200 тыс. рублей. Объяснения Гумилёва насчёт того, откуда у него взялись эти деньги, не выдерживают малейшей критики: мол, зашел какой-то незнакомый мне человек и оставил крупную сумму на хранение. Не удивительно, что этим словам следствие не поверило. Так зачем Гумилеву дали эти деньги и на что он хотел их потратить? Читаем показания Таганцева от 23 августа:

*«В дополнение к сказанному мною ранее о Гумилеве как о поэте добавляю, что насколько я помню в разговоре с Ю. Германом сказал, что во время активного выступления в Петрограде, которое он предлагал устроить (4 слова подчеркнуты красным карандашом) к **восставшей организации присоединится группа интеллигентов в полтораста человек.** Цифру точно не помню. Гумилев согласился составлять для нашей организации прокламации. **Получил он через Шведова В.Г. 200 000 рублей.***

Таганцев 23 авг 21»¹⁰

Получается нестыковка в показаниях. Чем сильнее Гумилёв запирается, тем больше растут подозрения у следствия. И оно не ошибается. По воспоминаниям ученицы Гумилёва И.В. Одоевцевой:

«Я, как я это часто делала, слушая то, что меня не особенно интересовало, слегка вдвигала и выдвигала ящик его письменного стола. Я совершенно не умела сидеть спокойно и слушать, сложив руки. Не рассчитав движения, я вдруг совсем выдвинула ящик и громко ахнула. Он был туго набит пачками кредиток.

— Николай Степанович, какой вы богатый! Откуда у вас столько денег? — крикнула я, перебивая чтение.

Гумилев вскочил с дивана, шагнул ко мне и с треском задвинул ящик, чуть не прищемив мне пальцы. Он стоял передо мной бледный, сжав челюсти,

с таким странным выражением лица, что я растерялась. Боже, что я наделала!

— Простите, — забормотала я, — я нечаянно... Я не хотела... Не сердитесь...

Он как будто не слышал меня, а я все продолжала растерянно извиняться.

— Перестаньте, — он положил мне руку на плечо. — Вы ни в чем не виноваты. Виноват я, что не запер ящик на ключ. Ведь мне известна ваша манера вечно все трогать. — Он помолчал немного и продолжал, уже овладев собой. — Конечно, неприятно, но ничего непоправимого не произошло. Я в вас уверен. Я вам вполне доверяю... Так вот...

И он, взяв с меня клятву молчать, рассказал мне, что участвует в заговоре. Это не его деньги, а деньги для спасения России. Он стоит во главе ячейки и раздает их членам своей ячейки».¹¹

Следствие в итоге делает совершенно логичный вывод:

«Заключение по делу:

«Следствием установлено, что дело гр. Гумилева Николая Станиславовича (исправлено на: Степановича), 35 лет происходит из дворян, проживающего в г. Петрограде угол Невского и Мойки в Доме искусств, поэт, женат, беспартийный, окончил высшее учебное заведение, филолог, член коллегии издательства Всемирной литературы, возникло на основании показаний Таганцева от 6.8.1921 г., в котором он показывает следующее:

«Гражданин Гумилев утверждал курьеру финской контрразведки Герману, что он, Гумилев, связан с группой интеллигентов, которой последний может распоряжаться, и которая в случае выступления готова выйти на улицу для активной борьбы с большевиками, но желал бы иметь в распоряжении некоторую сумму для технических надобностей. Чтоб проверить надежность Гумилева организация Таганцева командировала члена организации гр. Шведова для ведения окончательных переговоров с гр. Гумилевым. Последний взял на себя оказать активное

содействие в борьбе с большевиками и составлении прокламаций контрреволюционного характера. На расходы Гумилеву было выдано 200 000 рублей советскими деньгами и лента для пишущей машинки.

В своих показаниях гр. Гумилев подтверждает вышеуказанные против него обвинения и виновность в желании оказать содействие контрреволюционной организации Таганцева, выразив в подготовке кадра интеллигентов для борьбы с большевиками и в сочинении прокламаций контрреволюционного характера.

*Признает своим показанием гр. Гумилев подтверждает получку денег от организации в сумме 200 000 рублей для технических надобностей. В своем первом показании гр. Гумилев совершенно отрицал его причастность к контрреволюционной организации и на все заданные вопросы отвечал отрицательно. Виновность в контрреволюционной организации гр. Гумилева Н. Ст. на основании протокола Таганцева и его подтверждения вполне доказана. На основании вышеизложенного считаю необходимым применить по отношению к гр. Гумилеву Николаю Станиславовичу как явному врагу народа и рабоче-крестьянской революции высшую меру наказания — **расстрел**»¹²*

Существует известная фотография Николая Гумилёва, приговоренного к расстрелу. Внешний вид поэта на ней, по мнению некоторых, даёт основание полагать, что «озверевшие чекисты» выбивали из Гумилёва нужные им показания. Очевидно, что это утверждение является ложью, так как вся необходимая информация о его роли в ПБО была получена, в основном, от других фигурантов дела. Однако, Николай Гумилёв и вправду был задержан весьма жёстко: чекисты были очень злы. Понять их тоже можно – чтобы выйти на поэта и его «друзей», Петроградская ЧК пожертвовала **пятью** сотрудниками.

Итак. Поэт Николай Степанович Гумилев действительно **был замешан в антисоветском антигосударственном заговоре**. Он был довольно обширен: действовало несколько групп, общавшихся друг другом

исключительно через руководителей. Существовали ячейки, имеющие контакты с англичанами, другие имели связь с финнами и немцами. Некоторые группы поддерживали связь с варшавским отделением савинковцев – Российским Эвакуационным Комитетом. Тем не менее, этот заговор, несмотря на его размах и обилие заграничных связей, на момент раскрытия находился на подготовительном этапе. Заговорщики были настроены решительно: запасались оружием, издавали агитационные прокламации, проводили акции прямого действия. К таковым можно отнести поджог первомайских трибун и взрыв памятника Володарскому. Главная опасность данной организации хорошо видна из её планов: подготовка заговорщиками перехода участников Кронштадтского восстания в Петроград, накопление их сил для начала восстания в столице. Именно этим и вызвана столь быстрая и жесткая реакция Советской власти.

Николай Гумилёв был активным участником заговора, более того, он практически не маскируясь, вёл эту деятельность. О ней знали практически все его близкие и знакомые. При этом он надеялся на свою известность, как на защиту при возможном аресте:

«— Боже мой, ведь это безумно опасно!

Но он спокойно покачал головой.

— И совсем уж не так опасно. Меня вряд ли посмеют тронуть»¹³

Как впоследствии выяснилось, в своей уверенности он сильно ошибался. Финал для заговорщиков оказался печальным. Снова обратимся к статье «Дело Петроградской Боевой Организации В.Н. Таганцева» В.Ю. Черняева:

«Было привлечено к уголовной ответственности 833 чел., из них расстреляно по приговору и убито при задержании 96, отправлено в концлагерь 83, выдано из губернии 11, заключено в детскую колонию 1, освобождено с зачетом и без зачета заключения 448 (судьба прочих неизвестна)»¹⁴

«Из ранних свидетельств о «Деле ПБО»» (Предисловие и примечания И. Вознесенского):

И это несмотря на то, что ряд приговоренных спаслись: «Часть специалистов, арестованных по «делу ПБО», была — по практическим соображениям и в связи с ходатайствами разных лиц — избавлена от казни. Таковы, напр., исследователи сапропеля геолог-угольщик В.И. Яворский (освобожден в конце августа) и гидрогеологи Н.Ф. Погребов и П.И. Бутов (освобождены позже): за всех троих просил через Ленина знакомый Н.К. Крупской профессор-геолог Н.Н. Яковлев... А.И. Горбова (освобожден, за него просил Горький), Б.В. Цванцигера (взят по «делу ПБО» в Москве 29 окт. 1921, под стражей до 9 окт. 1922).»¹⁵

А теперь поговорим о расстрелянных и арестованных. Цифра в 833 человека может быть не точной, по крайней мере, так было написано в Википедии, и других источниках, в том числе и отмеченных здесь. Отрывок из книги «Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925):

«Общее количество арестованных по делу «ПБО» составляло свыше 200 человек. По постановлению Петроградской чрезвычайной комиссии от 29 августа 1921 г. наиболее опасные из них, в том числе Таганцев, Шведов, Лебедев, Орловский, были расстреляны, остальные заключены в концлагерь».¹⁶

Число «свыше 200 человек» можно оценивать совершенно по-разному. Даже если принять за истину количество в 833 задержанных, то 448 человек, то есть уже свыше половины, были отпущены. Из оставшихся погибли 96: Ревтрибунал приговорил к расстрелу 61 участника заговора, а 35 погибли при задержании. Многие получили различные сроки в исправительно-трудовых лагерях. А некоторые даже были помилованы, прощены и даже восстановлены на прежней работе, как, например, Михаил Назанов. Он знакомил Таганцева с меньшевиком Богомилом, а потом через него и с подпольной сетью меньшевиков. Назанов написал письмо, где просил прощения у Советской власти и обещал честно служить народу. Феликс Дзержинский переслал его

письмо Ленину. Владимир Ильич изучил само письмо и биографию Назанова. В результате тот был помилован и взят на работу в Госплан. По приговору расстреливали только за конкретные дела с отягчающими последствиями. Как, собственно, и поступили с гражданином Гумилёвым. Даже если среди казнённых оказался некий профессор, то это само по себе не было поводом для помилования. Как говорил В.И. Ленин, химия и контрреволюция не исключают друг друга.

Если бы заговор всё-таки удался, то это означало новый вооруженный мятеж в Петрограде, и продолжение заканчивающейся с таким трудом Гражданской войны. Само собой с массой новых жертв, причём, в подавляющем большинстве среди гражданского населения. Здесь достаточно вспомнить Ярославский мятеж 1918 года. Возможно, известного поэта, видного представителя «Серебряного века» следовало помиловать и отпустить под «честное слово», как большевики однажды поступили, например, с генералом Красновым и многими ему подобными радетелями за благо России. Думаю, все знают, что из этого вышло. Офицер с боевым опытом, идейный монархист и противник большевиков Гумилёв обязательно принял бы активное участие в вооруженном мятеже, а как же иначе?

Из книги «Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925)»:

*«К Ленину неоднократно поступали ходатайства в защиту некоторых буржуазных специалистов и интеллигенции, арестованных по делу «ПБО». Владимир Ильич тщательно проверял такие заявления, требуя от Чрезвычайной комиссии представления данных об обоснованности ареста».*¹⁷

В 1921 году эти непростые решения принимали люди с горьким опытом опустошительной и кровавой Гражданской войны. Кроме того, буквально только что было с трудом подавлено восстание в Кронштадте. Всё это стало причиной быстрой и жесткой реакции Советской власти на заговор ПБО, по-другому поступить она просто не могла.

Можно долго рассуждать, должны были большевики помиловать поэта или нет. Очевидно одно: произошедшее есть закономерность. Николай

Степанович Гумилёв выбрал этот путь САМ. Это было осознанное решение взрослого человека в соответствии с его убеждениями. Он знал, на что шёл. Не злобные же чекисты его спровоцировали на участие в мятеже, а потом сами за это осудили! При этом смерть Гумилева – это действительно трагедия. Не глупая «трагедия», в которой «плохие» парни убивают «хороших», а трагедия подлинная, когда талантливый и сильный человек из-за своих политических убеждений идёт против эпохи, против выбора большинства народа и погибает. И подобных судеб в те страшные годы были тысячи.

*«Когда же в городе огромнутом
Всечеловеческий встал бунт,
Скитался по холодным комнатам,
Бурча, что хлеба только фунт.
И ничего под гневным заревом
Не уловил, не уследил,
Лишь о возмездье поговаривал
Да перевод переводил» — Сергей Городецкий.*

Жестокость обеих сторон в Гражданской войне обусловлена особенностями такого противостояния. Герберт Уэллс, который встречался с В.И. Лениным и другими руководителями страны Советов, в своей книге «Россия во мгле» писал, что в том хаосе, в котором оказалась Россия, большевики были единственной партией, которая взяла на себя груз строительства нового государства из развалин, которые им оставила Российская империя. Можно идеализировать дореволюционные годы, но это удел небольшой группы, элиты, правящего класса, который в России обладал всем и в октябре 1917 года всё потерял. А мощное, победившее несколько десятилетий спустя в самой страшной в истории человечества войне государство – Советский Союз – было построено именно большевиками при безоговорочной поддержке подавляющего большинства населения.

Источники:

1, 2, 14 – <https://disk.yandex.ru/i/3Gf9wfLB3fla9w>

3, 6, 16, 17 – <https://disk.yandex.ru/d/n33DwDLEtDePBw>

4, 15 – <https://disk.yandex.ru/i/woILa73vSCs2Ug>

5 – <https://disk.yandex.ru/i/zp2ir8qtYWsoxw>

7, 8, 9, 10, 12 – <https://disk.yandex.ru/i/e61ThZXQ0gK1Qw>

(7 – 30 стр; 8 – 33 стр; 9 – 33-34; 10 – 34 стр; 12 – 35-36 стр).

11, 13 – <https://disk.yandex.ru/i/HhPbTYhcAIPWxg>

(11, 13 – 276 стр).

Все источники в одном файле:

<https://disk.yandex.ru/d/ht2M0knS1ErdpQ>